

УДК 903.22

**ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ И ВОИНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНА
VIII – VI ВВ ДО Н. Э.**

А. Е. Чотбаев

**DEFENSIVE ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT OF KAZAKHSTAN NOMADS
IN THE 8TH 6TH CENTURIES BC**

A. E. Chotbaev

В статье анализируются уже опубликованные археологические материалы характеризующие уровень военного дела древних кочевников Казахстана. Затрагиваются некоторые проблемы изученности данного направления в археологической науке Казахстана, решение которых позволит полноценно оценить динамику роста военного дела кочевников. Данная работа является первым опытом комплексного анализа предметов снаряжения и защитной экипировки происходящих из территории Казахстана с предварительными выводами о ценности рассматриваемых материалов в реконструкции военного дела населения Евразии.

The paper analyzes the published archaeological materials characterizing the state of military affairs of ancient nomads of Kazakhstan. The author discusses some problems in the study of this direction of archaeological science in Kazakhstan, whose solution will allow to fully assess the dynamics of growth of nomads' military affairs. This work is the first comprehensive analysis of the items of equipment and protective clothing originating from the territory of Kazakhstan with prior conclusions about the value of the materials for the reconstruction of the military affairs of the population of Eurasia.

Ключевые слова: археология, военное дело, оружие, Казахстан, доспех.

Keywords: archeology, military, weapons, Kazakhstan, armour.

Изучению данного вопроса посвящено немало работ, но они в основном касаются экипировки и защитного снаряжения происходящих из сопредельных территории Казахстана. Относительно Казахстанских изделий специализированных исследований до сегодняшнего дня нет, но здесь необходимо отметить то, что некоторые из уже опубликованных материалов в прошлом столетии были привлечены исследователями в качестве аналогии и/или при уточнении ареала распространения рассматриваемой категории вещей. Такой подход при изучении военного снаряжения и военного дела в целом не позволит получить полноценную картину о снаряжении древнего воина. На современной стадии, когда существуют широкие возможности ознакомления с материалами соседних стран, становится необходимым проводить работы с максимальным привлечением материалов из всего ареала распространения кочевнических культур раннего железного века с идентичными чертами мировоззрения, быта. При таком подходе территория Казахстана становится огромным пятном в изучении военного дела, так как данная территория являлась в древности местом, где протекали этнокультурные взаимосвязи, в результате чего прогрессивно внедрялись новации, которые в первую очередь отразились на предметах оружия и экипировки, что в свою очередь стала определяющим фактором процветания общества, роста и обогащения.

С динамичным ростом оружия и его разнообразия появляются новые защитные приспособления, модифицируются уже имеющиеся, на что красноре-

чиво указывают археологические материалы собранные за прошедшее время из памятников раннего железного века Казахстана, основную массу которых составляют предметы вооружения. Среди них нам известны предметы защитного вооружения и боевого снаряжения, состоящие из типичного для этого времени комплекса – шлема, защитного доспеха с различными портупейными ремнями для подвешивания оружия, колчана, ножен и других воинских приспособлений.

Доспехи, вероятно, были изготовлены в основном из кожи, так как до сегодняшнего дня известны лишь несколько находок металлических панцирей, широко бытовавшие в это время в Причерноморье. Можно отметить лишь одну бронзовую пластину с изображениями воинов, облаченных тяжелой защитной одеждой [2, с. 32]. На этой пластине сюжетная композиция, состоящая из нескольких персонажей. Половина пластины сломана еще в древности. Здесь присутствуют изображения всадника и пеших воинов. Вооружение у них разнообразное. На одной стороне изображены три силуэта, один на лошади, другой находится перед всадником в сидячей позе, причем он сидит на подогнутой левой ноге. Третий находится позади всадника, у него в руке оружие напоминающее чекан, считающийся одним из ведущих форм оружия ближнего боя в эпоху ранних кочевников [30, с. 124, рис. 77], они применялись и при совершении культовых обрядов [12, с. 75]. У всех персонажей на голове четко прорисованы головные уборы, похожие на плоские шлемы.

Нам известны несколько шлемов, датируемых первой половиной раннего железного века. Б. З. Рабинович собрал шлемы из Кубани, Поволжья и Западной Сибири и сгруппировал их на две группы: Греческого типа и Северо-Кавказские [21, с. 100 – 171]. По мнению А. Владимировского, бронзовые шлемы бытовали VI – V вв до н. э., а со II в до н. э. появляются железные, а также он разделяет их на кубанские, аттические, халкидские, коринфские, фракийские, чешуйчатые и кожаные [5, с. 44].

М. П. Грязнов в свое время опубликовал шлем, найденный на Алтае [6, с. 12, рис. 5, 11]. В работе Е. Е. Кузьминой опубликован шлем из Самарканда [16, с. 120 – 126, рис. 1].

На территории Казахстана на сегодняшний день известны два шлема, один найден на территории Жетысу при раскопках городища Кысымчи [13, с. 297, таблица 8].

В 2013 г. случайно найден и был предоставлен А. К. Кушкумбаевым еще один шлем. Шлем шаровидный, с вырезами в районе глаз и затылка. По бокам, в нижней кайме фиксируются по два небольших сквозных отверстия, предположительно для крепления приспособления из кожи или металла, предназначенного для защиты шеи [30, с. 130, рис. 80].

Одним из ярких предметов воинской экипировки являются наборные боевые пояса. Принадлежность таких поясов к боевой экипировке бесспорно, но здесь необходимо отметить и то, что воины могли пользоваться простыми кожаными поясами, на такую мысль наталкивает небольшое количество находок поясов, состоящих из различных металлических обойм и пластин. Три экземпляра наборных поясов были найдены и рассмотрены М. К. Кадырбаевым [18, с. 346, рис. 39]. Еще один, четвертый, экземпляр найден А. З. Бейсеновым в воинском захоронении в кургане 12 могильника Майкубень-III [1, с. 216]. Пояс из кургана 3 могильника Нурманбет-IV состоит из 10 прямоугольных обойм длиной 33 см, шириной 13 см. Обоймы украшены тремя поперечными углубленными полосами с крупными выступами, по три на каждой полосе. Второй пояс найден в кургане 1 могильника Нурманбет-IV. На тазовых костях скелета находились также 10 прямоугольных обойм. На лицевой стороне пяти из них имеются петли, на одном сохранен кусок кожи. Обоймы располагались поочередно: одна с петелькой, за ней следовала обойма без петли. Длина обойм 3,5 – 4 см, ширина 1,5 – 2 см. Одна обойма имеет более крупные размеры. Остальной инвентарь представлен бронзовым кинжалом с массивной фигурной рукоятью и бронзовым ножом с кольцевым навершием [18, с. 344, рис. 38. – 1, 5].

Третий пояс происходит из кургана 1 могильника Тасмола-II. Форма обойм в виде римской цифры X. На середине имеется отверстие, длинные радиальные концы обоймы соединены поперечной планкой. В центральной части пояса находился круглый в сечении бронзовый стержень. Слева от пояса найдены были остатки берестяного колчана с пятью стре-

лами и бронзовым ножом с кольцевым навершием [18, с. 350, рис. 48. – 2, 3, 5, 6, 8, 12]. Первые два экземпляра М. К. Кадырбаев относил к первому этапу (VII – VI вв. до н. э.), последний – ко второму этапу (V – III вв. по М. К. Кадырбаеву) тасмолинской культуры. Майкубенский пояс датируется концом VI – началом V вв. до н. э. Этим временем датируется и поясной набор из погребения 1, кургана 27 некрополя Тегисжол [41, с. 315 – 324; с. 321, рис. 4, 1].

Поясной набор, по форме повторяющий обойму из кургана 1 некрополя Нурманбет IV, найден в кургане 4 некрополя Аксуат [19, с. 139, рис. 12]. В предварительном порядке этот курган продатирован II – I вв. до н. э. [19, с. 136]. Однако есть основание удревить дату этого поясного набора до V в. до н. э.

Типологический ряд данных поясных наборов можно продолжить по находкам последних лет, среди которых особый интерес вызывают поясные накладки, найденные недавно в погребении 2 кургана 4а некрополя Аксуат I, датированного авторами V – III вв. до н. э. [10, с. 51, рис. 1].

Ближайшие аналогии к центральноказахстанским поясам имеются в Северном Казахстане. Это наборный пояс из могильника Алыпкаш [12, с. 106, рис. 20. – 9]. Ему аналогичен и пояс из Вавилонки в Восточном Казахстане [11, с. 299, табл. XXIX, 7]. На обоямах последнего отсутствует центральное отверстие.

Похожие пояса происходят с сопредельных территорий. Пояс из кургана 4 могильника Бобровка в Южном Зауралье характеризуется прямоугольными обоями с петельками на лицевой стороне. К категории случайных находок относятся три обоймы из района г. Троицка [3, с. 133, рис. 10, 11 – 16, 18 – 20].

Обоймы, найденные в кургане 1 могильника Николаевка, близки к экземпляру из кургана 1 могильника Нурманбет-IV, с той лишь разницей, что на первых отсутствуют петли [24, с. 28, рис. 2].

В Горном Алтае наборный пояс найден в могильнике Кызык-Телань [23, рис. 5, 2].

В сакских памятниках Памира наборные пояса отмечены в нескольких пунктах, в том числе в могильниках Можуташ-II (курган 4), Тегермансу-I (курганы 7 и 9А), Истык (курган 2). Обоймы из Тегермансу-I, курган 7 [17, с. 61, табл. 21. – 7, 8, 10, 11], имеют черты, присущие изделиям из Центрального Казахстана. Для Памирских памятников характерны и некоторые предметы конского снаряжения, особо близкие к центральноказахстанским материалам. Иногда они сочетаются с наборными поясами.

Указанные воинские наборные пояса из Северного и Восточного Казахстана, а также из Южного Зауралья, Горного Алтая и Памира имеют очевидную схожесть с центральноказахстанскими. Она должна объясняться этнокультурной близостью сакских племен указанных регионов. Эти племена имели много общего в плане ведения хозяйства, социального устройства, образа жизни. Вместе с тем ведущей чертой, обуславливающей близость в матери-

альной культуре, погребальном обряде, являлась общность происхождения.

Североказахстанские памятники в настоящее время охарактеризованы некоторыми исследователями в рамках улубаевско-тасмолинской культуры, являющейся северным локальным вариантом Тасмола [27, с. 79]. Южнозауральские комплексы А. Д. Таировым объединены в особый Бобровский этап раннесакского времени [25, с. 19]. По мнению ученого, памятники этого периода, включая и погребальный инвентарь, находят аналогии из комплексов VII – VI вв. до н. э. восточных районов Евразии, но особенно из Северного и Центрального Казахстана.

Ранние кочевники Южного Зауралья в это время являлись, по мнению ученых, составной частью тасмолинской «историко-этнографической общности», кроме того, получали от центральноказахстанских металлургов сырье, также и готовую продукцию [26, с. 96].

Горно-Алтайскую находку, вероятно, следует объяснять этнокультурными контактами казахстанско-алтайского населения, возможными передвижениями сакских групп на территорию Алтая. Что касается Памирских обоев, однозначно трактовать их сложно, вероятным кажется предположение о каких-то тасмолинско-среднеазиатских связях, имевших характер культурно-экономических обменов, вплоть до фильтрации небольших групп казахстанского происхождения в районы Средней Азии.

В свое время Б. А. Литвинский для Памирских памятников особо отмечал в области оружия и украшения «удивительную близость с Центральным Казахстаном» [17, с. 177]. И по отношению к наборным поясам этот исследователь подчеркивает «явную и едва ли случайную схожесть» их с центральноказахстанскими [17, с. 129].

Интересным представляется наличие наборных поясов в комплексах ананьинской культуры раннескифского периода. В частности, три экземпляра найдены в погребении 704 (2 пояса) и в квадрате Ш/7 Старшего Ахмыловского могильника [20, с. 242, табл. 105:1 d, 1p; с. 196, табл. 59]. По мнению исследователей, такие детали погребального инвентаря, как наборные пояса, для ананьинской культуры являются результатом внешнего культурного воздействия [9, с. 96]. С. Н. Коренюк отмечает «сложившиеся тесные связи носителей ананьинской культуры с племенами Казахстана и Южной Сибири» [14, с. 122].

В древности и средневековье разносторонне украшенные воинские наборные пояса бытовали на очень широкой территории степей Евразии. Публикации и анализу их посвящена солидная литература.

В отношении поясов, их оформления, а также ношения в древних обществах существовал широкий набор понятий и традиций. Особое место принадлежит военной функции. В. Н. Добжанский, подчеркивая именно военную функцию поясов, считает, что «наметившийся в эпоху бронзы приоритет военной функции над магической приобретает полную силу в

обществах ранних кочевников от Центральной Азии до Северного Причерноморья» [8, с. 67].

У древних номадов Казахстана наборные воинские пояса, подобные найденным в могильниках Тасмола-II, Нурманбет-IV, Майкубень-III, Тегисжол, сопровождавшиеся кинжалом, колчаном и другими предметами экипировки, являлись одним из традиционных и любимых снаряжений всадника – воина.

Наборные воинские пояса раннего железного века согласуются со всем степным, скотоводческим обликом. Рассмотренный вкратце еще неполный перечень наборных поясов сакских регионов имеет много общего, обусловленного не только культурными контактами, обменом, но, вероятно, и различными передвижениями населения на раннем этапе эпохи номадизма.

Неотъемлемой частью снаряжения воина является колчан. По археологическим и иконографическим материалам известны сведения о двух приспособлениях для ношения стрел и лука, так называемые колчаны и горит.

Колчан предназначен для ношения стрел, изготавливался из дерева, бересты, кожи. По археологическим материалам можно предположить, что колчан со стрелами носили подвешенными в поясе с левой стороны. Такие находки нам известны из памятников некрополя Шиликти, Карамурын I [28; 18].

Колчаны хорошей сохранности происходят из погребений Горного Алтая, Монголии и Тувы [15, с. 65–74; 7, с. 34].

Горит предназначен для ношения стрел вместе с луком. Иконографические материалы дают множество изображений рассматриваемых предметов. На петроглифах в силу нечеткости рисунков говорить о конкретных формах колчанов затруднительно, но миниатюрные фигуры и изображения их на каменных стелах, сосудах и украшениях делают возможным в какой-то мере представить картину, хоть и не полную, о колчанах и горитах. По мнению В. Д. Кубарева, в рассматриваемую эпоху в колчанах носили стрелы вместе с луком [15, с. 72].

На изображении воинов Сагыра, как мы уже отмечали, имеются колчаны, куда вложены лук, но стрел здесь не видно. Наверное, данное изображение не дает нам целостной информации о колчанах. Можно предположить, что воины носили отдельные колчаны со стрелами, но нельзя отбросить и тот факт, что гориты имели дополнительные кармашки, отделяющие стрелы от лука. Такого мнения придерживается и автор исследований петроглифов данного урочища [22, с. 168]. Мнения исследователей по этому вопросу разные, В. Д. Кубарев считает, что луки и стрелы носились в разных колчанах [15, с. 72], а Е. В. Черненко приходит к мнению о бытовании горита, где были два кормана, предназначенные для стрел и лука [29, с. 51].

Таким образом, известные нам предметы снаряжения и защитной экипировки воина раннего железного века Казахстана включают в себя выше пере-

численные наименования, но этот список нам кажется неполным. Также здесь необходимо отметить, что основную массу экипировки древнего воина занимают наборные боевые пояса. Объяснить количественную разницу, наверное, можно с сырьем, из которого они изготавливались. Результаты предварительного анализа показали, что воин-кочевник был экипирован защитной одеждой, включающей в себя

различные приспособления, основным из которых был боевой пояс. Снаряжение также состояло из необходимого и практичного набора.

Работа в данном направлении находится в начальной стадии, тем не менее предварительные работы указывают на необходимость в дальнейшей разработке данного вопроса.

Литература

1. Бейсенов А. З. Новые памятники тасмолинской культуры в Центральном Казахстане // Маргулановские чтения: сб. материалов научной конференции. Алма-Ата, 1989. С. 214 – 217
2. Бейсенов А. З. Сарыарқа – далалық өркениеттің алтын бесігі. Алматы: Technology of Imaging, 2011. 32 с.
3. Боталов С. Г., Таиров А. Д. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996. С. 131 – 140.
4. Варфоломеев В. В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 315 – 324.
5. Владимирский А. Скифы – конные стрелки из лука // Военно-исторический журнал Para-bellum. 2008. № 29. С. 44 – 50.
6. Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. М., 1947. Вып. 18. С. 9 – 17.
7. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1982. 256 с.
8. Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. 162 с.
9. Иванов В. А. Наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железа (к проблеме происхождения и семантики) // Уфимский археологический сборник. Уфа, 2000. Вып. 2. С. 86 – 96.
10. Кариев Е., Оралбай Е. Х-образные поясные накладки из Восточного Казахстана // Известия НАН РК 3(289). Алматы, 2013. С. 50 – 60.
11. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 635 с.
12. Кочеев В. А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. Вып. № 4. С. 74 – 82.
13. Копылов И. И. Находки скифского шлема в Семиречье // Ученые записки Алма-Атинского госпединститута. (Серия: Общественно-политическая). Алма-Ата, 1957. Т. XIV (2). С. 281 – 292.
14. Коренюк С. Н. О связях ананьинских племен Прикамья с населением Казахстана и Южной Сибири // XI Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999. С. 20 – 31.
15. Кубарев В. Д. О работах на Алтае // АО-1981. М., 1983. С. 204 – 210.
16. Кузьмина Е. Е. Бронзовый шлем из Самарканда // СА. 1958. № 4. С. 120 – 126.
17. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. 272 с.
18. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
19. Оралбай Е. К. Тарбағатай теріскейіндегі 2013 жылғы қазба жұмыстарының қорытындысы // Труды ФИА в г. Астана. Астана: Изд. группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 131 – 139.
20. Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы: (старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 275 с.
21. Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.: 1947. Т. 1. С. 100 – 171.
22. Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.
23. Суразаков А. С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980 – 1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 42 – 52.
24. Таиров А. Д. Исследования памятников раннего железа в Челябинской области // АО-1984. М.: Наука, 1986. С. 155 – 160.
25. Таиров А. Д. Фигурка воина из поселка Элеватор // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 144 – 146.
26. Таиров А. Д. Взаимосвязи ранних кочевников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана во второй половине VI – V веках до новой эры // Маргулановские чтения. Тезисы. Петропавловск, 1992. С. 96 – 98.
27. Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
28. Черников С. С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 50 – 61.
29. Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.

30. Чотбаев А. Вооружение древних кочевников кзахских степей (VIII – VI вв. до н. э.). Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 200 с.

Информация об авторе:

Чотбаев Айдос Ербулатович – аспирант гуманитарного факультета НГУ, archtopmail@mail.ru.

Aidos E. Chotbaev – post-graduate student at the Faculty of Humanities, Novosibirsk State University.

(**Научный руководитель: Худяков Юлий Сергеевич** – главный научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, доктор исторических наук, профессор, khudjakov@mail.ru.

Research advisor: July S. Khudiakov – Doctor of History, Professor, Chief Research Associate at the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences).

Статья поступила в редколлегию 20.04.2015 г.